Н.М. Михалев, кандидат филологических наук, кафедра истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: nmihalev@yahoo.com

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЭМИГРАЦИИ В ПЕЧАТИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 1930-е гг.

Логика развития журналистики русского зарубежья в 1930-е гг. отражала процесс самоидентификации эмигрантов. К началу 1930-х гг. старые идеи были дискредитированы невозможностью изменить ситуацию в советском государстве. Настроения усталости и разочарования вынуждали эмигрантов отказаться от продолжения активной борьбы с большевиками. Этому также способствовало формирование новых политико-философских концепций, которые испытали на себе влияние советской контрпропаганды. Из предлагавшихся концепций развития эмигрантского общества, борьбы за Россию для большинства эмигрантов категорически неприемлемыми оказались левые и либеральные идеи. Их место занимала «правая», радикальная идеология.

Ключевые слова: *русская эмиграция, СМИ, большевики, пропаганда, фашизм.*

The logic of development of Russian emigrants' mass-media in 1930-th reflected process of emigrants' self-identification. To the beginning of 1930-th old ideas have been discredited by impossibility to change a political regime in Russia. Moods of fatigue and disappointment forced emigrants to give up the struggle against Bolsheviks. It was caused also by new political and philosophical concepts which had experienced influence of the Soviet counter-propaganda. While making decision what concept to choose for development of emigrants society and struggle for Russia, the majority of emigrants categorically rejected left-wing and liberal ideas. Their place was occupied with the right-wing, radical ideology.

Key words: *Russian emigrants, mass media, bolsheviks, propaganda, fascism.*

Итогом первого десятилетия Октябрьской революции явился громадный рост авторитета советской страны на международной арене. Современники отмечали эффективность проводимой большевиками в 1920-е гг. контрпропаганды, которая способствовала распространению в кругах европейской и американской интеллигенции так называемого «салонного большевизма» — «склонности сочувствовать большевистской революции и относиться пренебрежительно к ее жертвам» [Струве, 1996, с. 164]. Во многих странах набирало силу движение друзей СССР, что способствовало дальнейшему признанию советского государства иностранными державами. С укреплением его могущества связывали свои чаяния лучшие демократические силы всего мира [Кулешов, Волобуев, Пивовар, 1991, с. 323]. По их мнению, в пользу советской политической и экономической системы свидетельствовал тяжелейший

кризис, охвативший весь капиталистический мир в 1929 г. В начале 1930-х гг. в западной прессе появились сообщения о безработице, голоде, нищете, бесперспективности жизни в буржуазном обществе, занимавшие центральные места на страницах советской печати в 1920-е гг., [там же, с. 256].

В этот период проблема самоидентификации эмиграции зазвучала с новой силой. Постепенное признание Советского государства на международной арене наряду с проводимой в русском зарубежье сменовеховской и возвращенческой пропагандой, способствовало формированию у части русских эмигрантов лояльного отношения к советской власти и признания невозможным ее вооруженного свержения. Острота политической борьбы к концу 1920-х гг. притупилась: сказывалась усталость и неверие в возможность возвращения к старой России [Литература русского зарубежья..., 2004, с. 508]. В 1929 г. в докладных записках в ОГПУ один из руководителей Торгпрома С.Н. Третьяков, завербованный ОГПУ и НКВД, отмечал постепенный уход русского зарубежья и его печати с политической карты Европы: «Эмиграция потеряла какое-либо значение в смысле борьбы с советской властью и в смысле влияния на политику иностранных государств. <...> с ней никто не считается, ее никто не слушает, и те истины, которые она ежедневно повторяет в своей прессе, созданной на последние трудовые гроши старых беженцев (молодые русские газет не читают), никого не волнуют и не убеждают» [цит. по: Политическая история..., 1999, с. 142]. Большую роль в деморализации русского зарубежья сыграло похищение большевиками в 1930 г. главы РОВСа генерала А.П. Кутепова, а в 1937 г. — его преемника генерала Е.К. Миллера.

Для создания за рубежом «советофильского» общественного мнения большевики в 1930-е гг. продолжали использовать художественную интеллигенцию. Так, советскую идеологию пропагандировал М. Горький, который, судя по переписке с И.В. Сталиным, верил в необходимость скорой индустриализации и коллективизации, был «потрясен ловко организованными актами вредительства и ролью правых тенденций в них», деятельностью «промышленной» и «крестьянской» партии, «обрадован работой ГПУ, неутомимого и зоркого стража рабочего класса и партии»[1]. Писатель излагал лояльные большевикам взгляды на страницах советской и иностранной печати, организуя соответствующие публикации, в том числе в газете “Berliner Tageblatt” («Берлинер тагеблатт»)[2]. Свои

[1] Письма А.М. Горького И.В. Сталину от 8 января, 24 октября, 2 ноября 1930 г., 25 января, 7 сентября 1932 г., 28 февраля 1933 г., 2 августа 1934 г. // Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С. 124—125, 130—131, 167—170, 181, 188—189, 220—223.

[2] Письмо А.М. Горького И.В. Сталину от 7 сентября 1932 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 181.

публичные выступления М. Горький отправлял на одобрение И.В. Сталину[3]. Всемирно известный русский писатель в 1930-е гг. совместно с советским журналистом М.Е. Кольцовым занимался «широким объединением европейской интеллигенции»[4]. Летом 1935 г. по приглашению М. Горького СССР посетил французский писатель и общественный деятель Ромен Роллан, который после общения и начавшейся переписки с И.В. Сталиным оценил «историческую миссию СССР» и выразил «преданность идеям этой “ударной бригады” мирового пролетариата»[5]. В 1936 г. М. Горький предложил И.В. Сталину задействовать влиятельного французского писателя Жоржа-Андре Мальро[6], который, по мнению М. Горького, «глубоко понимал всемирное значение работы Союза Советов», а также что «организуя интеллигенцию Европы против Гитлера с его философией, против японской военщины, следует внушать ей неизбежность всемирной социальной революции»[7].

Заниматься советской пропагандой за рубежом был вынужден Б.А. Пильняк. Свою просьбу выпустить его за границу после развернувшейся в советской печати против него травли Б.А. Пильняк объяснял в 1931 г. И.В. Сталину тем фактом, что, «если б этот писатель заявил хотя б о том, что он гордится историей последних лет своей страны и убежден, что законы этой истории будут и есть уже перестраивающими мир, — это было бы политически значимо»[8]. В 1934 г. Б.А. Пильняк, обращаясь в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить поездку в Латвию, Эстонию, Финляндию, Швецию и Норвегию, обещал сделать «доклады в связи с продлением пактов о ненападении»[9]. Судя по письму писателя, эту идею поддерживал НКИД.

Следует отметить пропагандистскую активность за рубежом в 1930-е гг. М.Е. Кольцова, соответствующая деятельность которого

---

[3] Письмо А.М. Горького И.В. Сталину от 2 августа 1934 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 220—223.

[4] Там же. С. 301.

[5] Литературная энциклопедия. http://slovari.yandex.ru/dict/litenc

[6] Жорж-Андре Мальро (1901—1976) приобрел известность в 1925—1927 гг., действуя на стороне коммунистов против Чан Кайши во время гражданской войны в Китае. Китайские впечатления отразились в романе Мальро «Удел человеческий» (1933), который принес автору всемирную славу. Не разделяя идеи марксизма, Мальро активно выступал против наступления фашизма, возглавлял общественное движение за освобождение Эрнста Тельмана и Георгия Димитрова. Во время Гражданской войны в Испании командовал добровольческой эскадрильей на стороне республиканцев. цит. по: Википедия.

[7] Письмо А.М. Горького И.В. Сталину [не ранее 7—10 марта 1936 г.] // Власть и художественная интеллигенция. С. 300—302.

[8] Письмо Б.А. Пильняка И.В. Сталину от 4 января 1931 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 139—141.

[9] Письмо Б.А. Пильняка в ЦК ВКП(б) [ранее 15 мая 1934 г.] // Власть и художественная интеллигенция... С. 209.

осуществлялась, в том числе, по линии Объединенного журнально-газетного издательства (Жургаз) и Международного объединения революционных писателей (МОРП). Так, в конце 1935 г. Политбюро поручило М.Е. Кольцову взамен ликвидируемого МОРПа организовать ежегодное посещение Советского государства 10—12 иностранными писателями («для ознакомления с СССР»), а также начать издание «небольшого ежемесячного литературно-художественного журнала на немецком языке»[10]. Именно М.Е. Кольцову и М. Горькому было поручено организовать и возглавить делегацию советских писателей на Международный конгресс защиты культуры, который проходил в Париже 21—25 июня 1935 г[11]. В состав делегации вошли также А.Н. Толстой, И.Г. Эренбург, Н.С. Тихонов, Вс.В. Иванов, И.Э. Бабель и Б.Л. Пастернак[12]. При составлении маршрута поездки секретарь правления Союза советских писателей (ССП) СССР А.С. Щербаков предлагал И.В. Сталину направить советскую делегацию писателей в Париж через другую столицу русского зарубежья — Прагу, чтобы «организовать в этом городе выступления наших писателей»[13]. Весной 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение организовать в Испании Международный атифашистский конгресс писателей[14]. В состав организационной комиссии от СССР вошли «тт. Кольцов, Эренбург, Алексей Толстой и Вишневский». 16 июня 1937 г. Политбюро разрешило «трем членам советской делегации тт. Вишневскому, Толстому и Ставскому выехать в Испанию не позднее 20 июня, а всем остальным делегатам — 25 июня 1937 г., с заездом в Париж»[15].

Успехи СССР на международной арене и поражение оппозиции внутри ВКП(б)[16] заставляли непримиримое большинство русского зарубежья расстаться с надеждой на реванш и адаптироваться к новым условиям жизни, ассимилироваться в странах рассеяния. Следует отметить, что настроение временности вынужденного изгнания искусственно поддерживались и господствовали в русском зарубежье до начала 1930-х гг. Так, в 1931 г. на очередном общероссийском эмигрантском сельскохозяйственном съезде дали о себе знать признаки ассимиляции крестьян-эмигрантов в Латвии, Эстонии, Румынии и Чехословакии. Это было напрямую связано

[10] Там же. С. 300—302.

[11] Там же. С. 254—255.

[12] М. Горький в итоге на конгресс не поехал, объяснив свой отказ «состоянием здоровья».

[13] Власть и художественная интеллигенция... С. 256—257.

[14] Там же. С. 355.

[15] Там же. С. 770.

[16] В 1927 г. на XV съезде ВКП(б) оппозиция («правый уклон») была окончательно разбита, а в 1928 г. Л.Д. Троцкий и большая группа его сторонников («левая» оппозиция) были сосланы в Алма-Ату.

с начавшейся в СССР коллективизацией сельского хозяйства [там же, 1999, с. 523].

Итальянский исследователь русского зарубежья Стефано Гардзонио отмечает, что изначально «представители русской эмиграции, с одной стороны, готовились или просто надеялись возвратиться на родину, а с другой, они стремились ассимилироваться, интегрироваться в культуру принимавшей их страны»[17]. Ассимиляция становилась одним из способов достижения материального благополучия, повышения социального статуса эмигранта. Такая тенденция не могла не отразиться на читательском спросе на русскую литературу и периодику.

Постепенно у эмигрантов пропадает интерес к политике, к некогда влиятельным общественным движениям и их печатным органам, которые все же пытались следовать за своей аудиторией. Именно во второй половине 1920-х гг. в ведущих политических изданиях появляется развлекательный материал. Так, «Последние новости» в 1925 г. начали публиковать на последней полосе газеты детективные рассказы[18]. Исследователь М. Раев отмечает, что некогда непримиримый борец с большевиками «Руль» в конце 1920-х гг. приобрел «налет провинциальности, сосредоточивая внимание на событиях местного значения, перепечатывая статьи и рассказы из других изданий и используя информацию местных и иностранных газет для сообщений о текущих событиях» [Раев, 1994, с. 108]. Политическая борьба в общей массе русского зарубежья переходила в область духовного служения[19].

«Несомненную склонность эмигрантской массы идти по пути наименьшего сопротивления» отметил в 1932 г. редактор-издатель журнала «Часовой» В.В. Орехов, который объяснял это усталостью эмиграции от политической борьбы и низким градусом надежд на реванш и возвращение в Россию[20]. В 1937 г. газета «Фашист» констатировала нацеленность русских эмигрантов на внутреннюю жизнь колонии, снижение интереса к борьбе с коммунистами[21]. Анализируя сложившуюся ситуацию, редактор «Руля» И.В. Гессен отмечал, что редакция, увлеченная политическими проблемами, не заметила изменений, произошедших с ее аудиторией, которая постепенно теряла интерес к событиям на родине, искала «отдох-

---

[17] *Гардзонио С.* Русская эмиграция и Запад. 2006. http://www.lfond.spb.ru/programs/likhachev/100/stenogrammi/stefano.html

[18] Последние новости. 1925. 28 февр. № 1487.

[19] См.: *Арсеньев Н.* Борьба за душу русского народа // Русский колокол. 1928. №3.

[20] См.: *Орехов В.* Мысли белогвардейца // Часовой. 1933. 15 марта. № 100.

[21] См.: *Шавернев Н.* Оплот рабоче-крестьянского сектора ВНРП в Южной Калифорнии // Фашист. 1937. Август—сентябрь. № 35.

новения от забот в разгадывании крестословиц (кроссворды. — *Н.М.*), в детективах» [Гессен, 1979, с. 144].

Лондонский корреспондент газеты «Руль» вообще отмечал, что «большинство <...> соотечественников начинают все менее и менее читать русские газеты» [цит. по: Ипполитов, 2004, с. 273]. Автор письма напрямую связывал снижение интереса к русским изданиям за границей с глубокой «денационализацией» русской эмигрантской молодежи. В то же время обозначенная проблема была шире. Шел процесс ассимиляции не только русской молодежи, но и значительной части эмиграции.

С другой стороны, по признанию И.В. Гессена, сама русская пресса была отчасти виновата в потере своего читателя. Редакции газет не смогли своевременно осмыслить качественные изменения, происходившие в эмигрантской среде. С первого до последнего дня своей издательской деятельности подавляющее большинство русских редакций оставались сугубо политизированными коллективами партийных единомышленников. Жить долгие годы борьбой и ожиданием было невозможно. Люди искали свое место в новом обществе, что подтверждается постоянным спросом на специальную и образовательную литературу. Новые принципы издания в 1930-е гг. эмигрантского печатного органа сформулированы в условиях, предъявляемых руководством Русского трудового христианского движения (РТХД) к создаваемой газете «Новый путь» (Женева, 1932—1940 гг.): «Газета не должна быть политической, но давать материалы о СССР. Она должна обслуживать профессиональные нужды трудящихся»[22]. Целевая установка в газете делалась на актуальный отдел — «профессиональное движение». В ней вводились крестословицы, конкурсы, иллюстрации, а также все, что могло вызвать интерес читателей и читательниц.

Таким образом, к середине 1930-х гг. количество русских издательств в Западной Европе «после изобилия их в начале 20-х гг. резко сократилось» [Струве, 1996, с. 139]. Система периодической печати русского зарубежья потеряла около 20 влиятельных газет и журналов, которые прекратили свое существование из-за отсутствия финансирования и читателей, а также из-за менявшейся политической ситуации в странах рассеяния, часть которых под нажимом советской дипломатии была вынуждена ужесточать цензуру и условия проживания оппозиционно настроенных по отношению к большевикам русских эмигрантов. Так, А.Ф. Керенский был вынужден закрыть знаменитые «Дни» (Берлин, Париж;

[22] Цит. по: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность Русского трудового христианского движения / Наука, культура и политика русской эмиграции. 2004. С. 37.

1919[23]—1922—1933), а его соратники-эсеры — журналы «Воля России» (Прага, 1920—1932), «Революционная Россия» (Таллин, Юрьев, Берлин, Прага; 1920—1931), «Социалист-революционер» (Париж, 1927-1932), газеты «За свободу!» (Варшава, 1921—1932) и «Молва» (Варшава, 1932—1934). Редактируемые П.Н. Милюковым «Бюллетень Республиканско-демократического объединения» и ежемесячная «Хроника Р.Д.О» выходили в Париже в 1925—1931 и 1927—1932 гг. соответственно. Созданный в Берлине в 1920 г. правокадетский «Руль» прекратил свое существование в 1931 г.

Поредели ряды и правой прессы. В.Л. Бурцев лишился сразу четырех парижских изданий — еженедельника «Борьба за Россию» (1926—1931), газеты «Общее дело» (1920—1933), сборников «Будущее» (1922—1933) и «Былое» (1933). Исчезли влиятельная газета М.А. Суворина «Новое время» (Белград, 1921—1930) и «Русский колокол» И.А. Ильина (Берлин, 1927—1930), ежемесячный «Вестник Высшего монархического совета» (Берлин, Париж; 1920[24]—1926—1931) и орган Братства Русской Правды журнал «Русская Правда» (Белград, 1922—1933). В 1934 г. прекратился выход парижской газеты П.Б. Струве «Россия и Славянство».

Помимо социокультурных причин на перегруппировку политических изданий русского зарубежья влияли также процессы политические. Смена читательских настроений шла в русле тех изменений, которые происходили на политическом поле русского зарубежья. «Отталкивание шло одинаково и от левого демократического лагеря, и от правого, связанного с РОВСом, то есть с Белым движением» [там же, 1996, с. 154]. В этом отношении показательно небольшое количество появившихся в 1930-е гг. периодических изданий старых политических движений, которые должны были компенсировать исчезновение 20 влиятельных газет и журналов. Так, в начале 1930-х гг. возник ежемесячный журнал «Записки социал-демократа, издаваемые А.Н. Потресовым» (Париж, 1931—1934), который заполнил издательское поле правых меньшевиков, опустевшее после прекращения издания журнала «Заря» (1922—1925). Издательский актив эсеров пополнился журналами «Свобода» (Париж, 1933—1936) и «Новая Россия», которая выходила в Париже с 1936 по 1940 г. под редакцией А. Ф. Керенского. Новым органом РДО стала газета «Наше слово» (Париж, 1934—1939). Правый фланг укрепил «Меч» (Варшава, Париж; 1934—1939), выходивший сначала в формате журнала, а потом газеты под редакцией Д.В. Философова, Д.С. Мережковского, В.В. Бранда и Г.Г. Соколова.

[23] С 1919 по 1922 г. газета носила название «Голос России».

[24] С 1920 по 1926 г. издавался в Берлине в формате двухнедельного журнала под названием «Двуглавый орел».

Охлаждение основной массы русских эмигрантов к политическим процессам сопровождалось серьезными изменения в структуре политических движений русского зарубежья, вектор развития которых в конце 1920-х — 1930-е гг. сдвигался вправо. Сначала распался межпартийный Республиканско-демократический союз (РДС), исповедовавший новую тактику обволакивания советской власти в целях ее мирного свержения силами внутренней оппозиции. В декабре 1928 г. Центральное бюро РДС сообщило, что вследствие разногласий по вопросам политической тактики между образующими союз сторонами — «Крестьянской Россией» — Трудовой крестьянской партией (КР—ТКП), с одной стороны, и республиканско-демократической группой кадетской партии — с другой, «ЦБ союза на заседании 19 ноября 1928 г. постановило считать союз с 1 января 1929 г. прекратившим свое существование»[25].

Затем стала разваливаться и Трудовая крестьянская партия (ТКП) — детище правых эсеров. Распространение фашистской идеологии и установление в ряде европейских стран диктаторских режимов способствовали радикализации взглядов лидера ТКП С.С. Маслова относительно методов борьбы с большевиками и дальнейшего развития России. Начиная с 1933 г. с приходом к власти в Германии А. Гитлера С.С. Маслов неоднократно заявлял, что надеяться на демократию не имеет смысла, на смену господству большевиков может прийти только власть диктаторского типа. Отказ С.С. Маслова от демократических принципов, который имел целью упрочить «слабеющую роль политической эмиграции»[26], и привел к развалу в 1928 г. РДО и последовавшему расколу в ТКП. В 1930 г. ее ряды покинула группа молодежи, недовольная тем, что организация превратилась в чисто партийную. А весной 1934 г. из партии вышли шесть ее основателей во главе с председателем ЦК — А.А. Аргуновым, которые обвиняли пражский партийный центр в идеологических и тактических шатаниях, а также в насаждении диктатуры лидера — С.С. Маслова. Вслед за центром раскол распространился и на региональные организации ТКП[27].

Симпатии большей части политически активных эмигрантов находились на стороне правых, пропагандировавших радикальные методы борьбы с большевиками. Некоторые современные исследователи отмечают, что на протяжении 1920—1930-х гг. в среде эмиграции проходил процесс стихийного “поправения”: республиканцы — сторонники созыва Учредительного собрания — отодвигались на второй план монархистами, открыто провозглашавшими необходимость восстановления монархии в России [Говердовская,

[25] Крестьянская Россия. Изд. ЦК ТКП. 1928. № 2/14.
[26] Последние новости. 1934. 4 апр.
[27] Там же. 4, 20 апр.; Наше слово. 1934. № 3.

2004, с. 81; Куренышев, 2008, с. 108; Литература русского зарубежья..., 2004, с. 20]. Так, председатель Союза русских писателей и журналистов в Югославии А.И. Ксюнин[28] писал А.А. Аргунову, что «демократия провалилась на всех фронтах» [цит. по: Куренышев, 2008, с. 126]. Отказ от либерально-демократических взглядов нашел выражение в новом обращении к православным и монархическим идеям.

В этом направлении проявились политические противоречия в редакции журнала «Современные записки». Верность эсеровским взглядам сохранили М.В. Вишняк, В.В. Руднев и Н.Д. Авксентьев. Освободившийся от старых убеждений И.И. Фондаминский выдвинул идею возрождения «ордена русской интеллигенции», основанную на патриотизме и христианстве [Литература русского зарубежья..., 2004, с. 49]. Эволюция мировоззрения И.И. Фондаминского отражала процесс формирования самосознания эмиграции, в среде которой все больше симпатий вызывала дореволюционная Россия.

В 1930-е гг. идеи монархизма и новых политических течений приобретали националистическую окраску, сочетались с активно распространявшейся фашистской идеологией. В условиях нарастания угрозы Второй мировой войны кризисные явления ощутимее всего давали о себе знать в рядах либерального лагеря эмиграции. Ситуация дополнительно усложнилась с выходом на политическую арену нового поколения [Йованович, 2005, с. 78]. «Будем откровенны до конца, — писала Е.Д. Кускова, — насколько обширен и полон “боевой” энергии реставрационно-фашистский фланг современной русской эмиграции, настолько же слаб и расколот лагерь демократический»[29].

Перегруппировка политических сил в русском зарубежье в 1930-е гг., по свидетельствам современников, происходит в пользу новых идейных и политических течений, в которых «видную или даже руководящую роль играет молодое поколение» — Национальный союз нового поколения (НСНП) и «пореволюционные течения» [Струве, 1996, с. 137], представленные младороссами, утвержденцами и новоградцами. Имеет смысл отделять пореволюционеров от новопоколенцев («нацмальчиков») и прочих «молодых» праворадикалов, которые не делали скидок большевизму и тяготели к откровенному фашизму. Пореволюционеры тоже испытали на себе влияние итальянского фашизма и национализма, но в своей нацеленности на мирное обновление большевизма имели больше общего со сменовеховцами и евразийцами 1920-х гг., кото-

[28] А.И. Ксюнин участвовал в издании газет «Возрождение» (Белград, 1921—1922), «Голос России» (София, 1936—1938), «День русской культуры» (Белград, 1926—1928), «Россия» (Белград, 1926—1927, 1934) и журнала «Призыв» (Белград, 1926).

[29] Наше слово. 1936. № 6.

рые повлияли на более поздние по времени группы и течения [Политическая история..., 1999, с. 432].

Можно предположить, что предпринятые большевиками в 1920-е гг. меры по внедрению в информационное пространство русского зарубежья, распространение «советофильской» идеологии оказали влияние на формирование в 1930-е гг. пореволюционных направлений общественной мысли эмиграции, ставших, по мнению современников, новой версией сменовеховства[30]. Влияние советской контрпропаганды ощущается в «право-левом» синтезе, предпринятом пореволюционерами, которые соединили в своей идеологии социализм, национализм, христианство и монархизм.

Понятие «пореволюционность» в общественно-политической мысли русской эмиграции означало принципиальное отрицание возможности и даже нужности реставрации дореволюционного состояния России, признание пореволюционерами закономерности и национального характера Октябрьской революции. Пореволюционеры настаивали на том, что путь к новой России лежит не через разрушение советской действительности, а через ее творческое преображение. Они решительно отмежевывались от всех дореволюционных направлений русской мысли — и правых, и левых, стремясь синтезировать как национальные ценности первых, так и социальные — вторых. Однако, принимая перемены на родине, и младороссы, и утвержденцы, и новоградцы не принимали правящий коммунистический режим и призывали в своей печати к борьбе с ним, отвергая в то же время интервенцию и терроризм, делая ставку на изживание большевиков внутренними силами.

Самым ярким и значительным пореволюционным течением исследователи русского зарубежья считают движение младороссов. Союз младороссов, возникнув в 1923 г. как молодежная организация правого толка, декларирующая монархические идеи и выступающая против «антинациональных либеральных и демократических течений»[31], уже к концу 1920-х гг. заявил о себе как о вполне самостоятельной силе. В 1934 г. Союз преобразовался в Младоросскую партию.

Младороссы издавали не менее 11 газет в шести странах мира: «Младоросская искра» (Париж, 1931—1940), «Бодрость!» (Париж, 1934—1940), «Казачий путь» (Париж, 1934—1938)[32], «Казачий набат» (Прага Париж; 1932—1940), «Молодое слово» (София, 1932—

[30] Современные записки. 1931. XLVII; 1932. XLVIII; Русская газета. 1932. 13 марта. № 26; Часовой. 1932. 1 июня. № 81.

[31] Декларация Всеобщего съезда национально мыслящей молодежи (цит. по: Варшавский, 1956, с. 53—55).

[32] Связь этого издания с «органом общеказачьего сельскохозяйственного союза» «Казачий путь» (1924—1928), выходившим в Праге под редакцией В.А. Харламова, не установлена.

1937), «Новый путь» (Шанхай, 1932—1935), «Наша правда» (Шанхай, 1938), «К молодой России» (Чикаго, 1935, 1936), «Русское дело» (Сан-Франциско, 1940), «Младоросское слово» (Сан-Паулу, 1937—1938), «Слово» (Сан-Паулу, 1938—1940) [Бардеева, Брянкина, Шумова, 1999]. Также печатный актив младоросской партии насчитывал около семи журналов и бюллетеней: «Оповещение Парижского очага Союза младороссов» (Париж, 1928—1930), «Младоросс» (Париж, 1930-1932), «Младость» (Париж, 1930—1932), «Сводка» (Белград, 1935), «Казачий набат» (Прага, 1931—1932), «Новый путь» (Шанхай, 1932—1933). Центральным органом младороссов была газета «Бодрость!».

Из общей массы пореволюционеров младороссов выделяла именно монархическая идея[33], которая отсутствовала у других групп. Поэтому социализм младороссов мало походил на марксистский, скорее, он напоминал корпоративизм итальянского фашизма[34], которому младороссы весьма сочувствовали, считая для себя неприемлемой «интернационалистическую тенденцию в ВКП(б), выраженную старой гвардией коммунизма, партийным аппаратом, инородческими и семитскими элементами Москвы, группирующимися вокруг ГПУ, полиции режима»[35]. Тем не менее положительная оценка младороссами отдельных процессов в СССР дала повод эмигрантам заподозрить их в аффилированности с Москвой[36]. Одним из главных лозунгов, сформулированных лидером Союза Младороссов А.Л. Казем-Беком, который в 1957 г. вернулся в СССР, был: «Царь плюс Советы». Младороссы поддерживали великого князя Кирилла Владимировича, став его интеллектуальным штабом [Политическая история..., 1999, с. 433], и претендовали на место второй советской партии, надеясь вскоре стать первой.

Второе пореволюционное течение условно определяют как утвержденчество — по наименованию журнала «Утверждения», вокруг которого в 1931 г. объединились несколько идейно близких организаций: национал-максималисты, народники-мессианисты, неодемократы, националисты-христиане и другие [там же, с. 434]. Журнал «Утверждения», выпускавшийся в Париже в 1931—1932 гг.[37],

---

[33] См.: *Сыкалов Е.* Очередная наивность // Бодрость! 1937. № 135; Речь Великой Княгини Марии Павловны; Тавастшерна Ал. Конец февраля // Бодрость! 1938. № 158; *Тавастшерна Ал.* Россия и династия // Бодрость! 1938. № 161; Великий Князь Дмитрий Павлович в Греции // Бодрость! 1938. № 162.

[34] Коммунизм побежден новым миром. Новый человек в России уже закладывает основы Русского «фашистского» государства // Бодрость! 1937. № 126.

[35] Из доклада А.Л. Казем-Бека «Две тенденции в советских верхах» // Бодрость! 1937. 25 апр. № 123.

[36] См.: *Ксюнин А.И.* Против России // Русская газета. 1932. 13 марта. № 26; Часовой. 1932. 1 июня. № 81.

[37] Всего вышло три номера.

именовал себя органом «объединения пореволюционных течений». Главным вдохновителем этого журнала был князь Ю.А. Ширинский-Шихматов, который в эти годы часто выступал на разных собраниях в Париже от имени эмигрантской «молодежи» [Струве, 1996, с. 154]. К нему примыкали Я.М. Меньшиков и П.С. Боранецкий, «незадолго до того приехавший из Советской России и быстро создавший себе известность выступлениями в Париже, в которых он равно громил демократов и социалистов налево и “белогвардейских активистов” направо» [там же, с. 155].

Сотрудниками «Утверждений» оказались и некоторые видные представители старшего поколения эмиграции: Н.А. Бердяев, Е.Д. Кускова, Ф.А. Степун и принадлежавший к умеренно правому сектору зарубежья сотрудник «Возрождения» Н.С. Тимашев. Близок к пореволюционному течению и к «Утверждениям» оказался и советский дипломат-перебежчик С.В. Дмитриевский.

Своей задачей журнал ставил объединение пореволюционных течений эмиграции. Сюда относились также евразийство, национал-большевизм, национал-максимализм и т.д. Общие основы пореволюционного мировоззрения формулировались следующими тезисами: примат духовного начала над материальным, устроение жизни на основе христианской правды, всечеловеческая миссия России, будущее устройство России как синтез дореволюционных и пореволюционных начал [Политическая история..., 1999, с. 434].

Стоя на весьма левой позиции в социальном вопросе, отрицая в корне и обличая буржуазно-капиталистический строй, журнал вместе с тем говорил о своей «непримиримо революционной» позиции в отношении коммунистического строя в России. При этом в «Утверждениях» проскальзывали симпатии к фашизму, к «корпоративно-кооперативной организации общества», к «идеократии». Под всем этим один из редакторов «Современных записок» В.В. Руднев, давая отзыв о первых двух книжках «Утверждений», усмотрел соблазны оправдания большевизма: «...соблазн от простого признания факта незаметно перейти к его историческому и политическому оправданию»[38].

Через год после выхода первого номера журнала «Утверждения» от него отпочковались два журнала — «Третья Россия» (Париж, 1932—1939) и «Завтра» (Париж, 1933—1935). Редактируемая П.С. Боранецким «Третья Россия» стала органом одноименной группы, которая занималась «исканием и осуществлением нового пореволюционного синтеза». Ежемесячник утвержденцев «Завтра» пришел на смену закрывшемуся журналу «Утверждения», а с седьмого номера превратился в орган парижского отделения Союза российских

[38] Современные записки. 1931. XLVII.

национал-большевиков (национал-максималистов). В редакцию «Завтра» входили Ю.А. Ширинский-Шихматов, В.Л. Андреев, И.И. Ильинская, Л.Б. Савинков, А.И. Ярмидзе и П.С. Чижов.

В 1933 г. по инициативе Ю.А. Ширинского-Шихматова образовалось Объединение пореволюционных течений, в которое вошло несколько карликовых организаций. Пореволюционеры наладили выпуск ежемесячной газеты «Свершения» (Париж, 1934) и периодического бюллетеня представительства Объединенияния пореволюционных течений на юге Франции «Пореволюционная Россия» (Марсель, 1935). Примечательно, что в издании «Свершений» помимо П.С. Боранецкого участвовал также один из идеологов евразийства П.Н. Савицкий.

Третьим значительным пореволюционным течением, схожим по организации и составу участников с утвержденцами, были новоградцы. Они представили свою оригинальную формулу будущего развития России: христианский социализм, помноженный на либерализм. Из всех пореволюционеров новоградцы наиболее резко отталкивались от фашизма и наиболее лояльно относились к западной либеральной демократии [там же].

Новоградцы не создавали никаких организационных структур, оставшись кружком интеллектуалов, объединившихся вокруг журнала «Новый Град». Ядро новоградцев состояло из таких крупных мыслителей, как Г.П. Федотов, И.И. Бунаков-Фондаминский, Ф.А. Степун. К ним примкнули также видные религиозные философы Н.А. Бердяев, о. С. Булгаков, Н.О. Лосский, Б.П. Вышеславцев. «Новый Град» возник одновременно с «Утверждениями» в 1931 г., но просуществовал почти 10 лет — до 1939 г., выходя непериодически и не очень часто[39].

Редакционная декларация «Нового Града» утверждала права личности и свободу, и этим журнал отмежевывался от «Утверждений». Примечательно, что Н.А. Бердяев и Ф.А. Степун, будучи одновременно сотрудниками «Современных записок» и «Утверждений», заняли в «Новом Граде» позицию, которая была характерна для разных пореволюционных течений, резко противопоставляя разлагающийся буржуазно-капиталистический мир — Советской России, которая несет «новое слово». Как и утвержденцы, Н.А. Бердяев и Ф.А. Степун отвергали «формальную» свободу и демократию. Что касается Советской России, то речь шла не только о «бесспорных» производственно-технических достижениях СССР (на которых настаивал Ф.А. Степун), но и о том, что в России рождается «образ нового человека», что она выходит на новый путь духовного, культурного и социального творчества. Как отмечал В.В. Руднев, в обличении грехов капитализма оба автора проявляли

[39] Всего вышло 14 номеров.

«пристрастную суровость», а по отношению к советской действительности — «непонятный оптимизм» и «изумительное благодушие»[40].

Подводя итог сказанному выше, следует особо выделить тот факт, что логика развития политической журналистики русского зарубежья в 1930-е гг. повторяла эволюцию взглядов эмигрантов в изменившемся мире, отражала процесс их самоидентификации. К началу 1930-х гг. старые идеи, с которыми русские беженцы покинули Россию, были дискредитированы невозможностью изменить ситуацию в советском государстве, вернуться на родину. Настроения усталости и разочарования, господствовавшие в общей массе эмигрантов, вынуждали их отказаться от продолжения активной борьбы с большевиками. Этому также способствовало формирование в русском зарубежье в 1930-е гг. новых политико-философских концепций, которые испытали на себе влияние советской контрпропаганды. Из предлагавшихся политическими лидерами русского зарубежья концепций дальнейшего развития эмигрантского общества, борьбы за Россию, для большинства политически активных эмигрантов категорически неприемлемыми оказались левые и либеральные идеи. Их место занимала «правая» идеология. Формирование новых течений происходило под влиянием общей радикализации европейского общества, которое сопровождалось в среде эмигрантов возрождением национальной и религиозной мысли.

Список литературы

Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979.

Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917—1931 гг. М., 2004.

Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Изд-во Ипполитова, 2004.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920—1940. М., 2005.

Куренышев А.А. Крестьянские организации русского зарубежья (1920—1951 гг.). М.: Аиро-XXI, 2008.

Литература русского зарубежья. 1920—1940 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2004.

Наше Отечество / Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И. и др. Т. II. М.: ТЕРРА, 1991.

Политическая история русской эмиграции. 1920—1940 гг.: Документы и материалы: Учеб. пособие / Под ред. Киселева А.Ф. М.: Владос, 1999.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919—1939. М.: Прогресс-Академия, 1994.

Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996.

Поступила в редакцию
14.01.2011

[40] *Руднев В.* Рецензия на «Новый Град» // Современные записки. XLVIII. 1932.